

Глава VI. Центральный комитет антифашистских милиций Каталонии

Ввиду принятия принципа «демократического сотрудничества» была разработана формула, которую Гарсия Оливер определил так: «Одобрилось создание Центрального комитета милиций и устанавливалась пропорция представителей в его составе; она не была справедливой — ВСТ и Социалистической партии, миноритарным в Каталонии назначили такое же количество мест, как НКТ и ФАИ, одержавшим победу. Это предполагало создание прецедента с целью вывести диктаторские партии на путь лояльного сотрудничества, которое не могло бы быть нарушено самоубийственными конкурентами»⁵¹. Намерение неплохое, но ввиду того, что в политике идут на уступки в пользу меньшинств, а когда преобладает результат большинства, играют в политическое превосходство, жертва, приносимая в духе великодушия со стороны НКТ и ФАИ в политике, будет использована их политическими противниками, чтобы превратить её в норму в Каталонии, но не в тех регионах Испании, где НКТ была в меньшинстве.

Что касалось политики, то концепция «демократического сотрудничества» являлась не чем иным, как оживлением Народного фронта и, следовательно, нового органа, который по своему составу будет демократически-буржуазным. Наряду с НКТ, ФАИ и ПОУМ будут сосуществовать партии «Левые республиканцы Каталонии» и «Каталонское республиканское действие», представляющие мелкую и среднюю буржуазию. Имея в виду экономические и промышленные структуры страны, этим партиям будет нанесён наиболее сильный ущерб от экспроприации средств производства в процессе пролетарской революции. Между крайними левыми и крайними правыми установится молодая партия ОСПК (Объединённая социалистическая партия Каталонии) — придаток КП, как «партия порядка», иными словами, контрреволюционного характера. Таковы были зачатки ЦКАМ (Центрального комитета антифашистских милиций Каталонии).

После проведения Пленума НКТ, с тем чтобы передать ответ на предложение Компаниса, делегация этой организации опять посетила Женералитат. Но между тем, что предлагала НКТ и задумывал Компанис в отношении Комитета милиций, была огромная разница: Компанис отводил ему роль второстепенного организма, однако НКТ считала, что ЦКАМ должен стать народным органом и взять на себя правление в экономической, политической и военной сферах жизни Каталонии, отводя правительству Женералитат бюрократическую функцию легализации всех его решений. Реакция Луиса Компаниса на такой ультиматум НКТ была логичной, но делегация в этом пункте не уступала ни на шаг: Луис Компанис или

одобрял образование народного органа с его полномочиями, или же НКТ полностью отстранялась от этого вопроса и позволяла процессу революции, начатой «низами», развиваться до конца во всех его проявлениях. Компанис сдался, так как из двух зол наименьшим являлось быстрое установление власти, способной сдержать революцию. НКТ (Эскорса и остальные), видя отступление Компаниса, сочли, что победа близка, когда в действительности, с революционной точки зрения, речь шла о поражении. Здесь необходимо указать политическое видение Гарсии Оливера, который не обманывался: он видел, что с точки зрения революционеров новая структура являлась контрреволюционной силой⁵². Тем не менее, противопоставляя желаемое очевидности и в ожидании подходящих обстоятельств, сам факт того, что ЦКАМ реально обладал властью и что в этой организации НКТ и ФАИ имели чёткое превосходство, позволял ожидать решающего удара в случае вступления в битву пролетариата, в частности французского, под влиянием энтузиазма событий в Испании. Одним словом, не всё было потеряно; и именно для того, чтобы не утратить завоёванные позиции, той же самой ночью, 21 июля 1936 года, тотчас же перешли к формированию Центрального комитета антифашистских милиций Каталонии.

В его состав вошли следующие политические силы: НКТ, ФАИ, ВСТ, партия социалистов, «Левые республиканцы» Каталонии, Каталонское республиканское действие, Союз рабассейров и ПОУМ. Тем же вечером, чтобы чётко отметить независимость этого органа по отношению к правительству Женералитат, упомянутый комитет обосновался в просторном и современном здании на Дворцовой площади, ранее занимаемом Мореходным училищем.

На первом заседании, проведённом вокруг огромного стола центрального зала Мореходного училища, никто из пришедших участвовать в нём по мандату своих партий не представлял себе ясно будущую работу Комитета. Только представители НКТ и ФАИ знали, чего они хотели. Исходя из этого обстоятельства и того факта, что именно они представляли революцию, остальные делегаты ожидали дальнейшего развития событий или, как можно сказать, будущих приказов.

Хауме Миравитлес, представитель Женералитат Каталонии, рассказывает о первом контакте с ФАИ и НКТ:

«Я принимал участие в заседаниях как представитель “Левых республиканцев” — либеральной партии левого толка. Мы приходили в костюмах, обыкновенно принятых среди буржуазных интеллектуалов — галстук, пиджак, авторучка, — и вдруг перед нами появилась группа анархистов: небритых, в военном одеянии, с револьверами, автоматами и ремнями, где они крепили свои гранаты из динамита. Их командиром был человек, который по своему внешнему виду, манере говорить и жизненной силе походил на гиганта, — Буэнавентура Дуррути.

Как-то я написал статью, в которой утверждал, что между фашистами и активистами ФАИ не было большой разницы. Дуррути, яростный воин, слишком хорошо помнил об этой статье. Он приблизился ко мне, положил свои большие ладони мне на плечи и сказал: “Вы Миравитлес, не так ли? Остерегайтесь! Не играйте с огнём! Это может вам дорого стоить”. Так началась работа Центрального комитета антифашистских милиций в атмосфере напряжения и угроз⁵³.

Мы ранее отметили, что все пребывали в ожидании; такое состояние было естественным. Никто, кроме НКТ, ФАИ и ПОУМ, не испытывал никакого интереса в росте этой структуры и отмене Женералитат. Так как не было никакой спешки, Миравитлес, как бы вступая в приятную беседу, начал дебаты на тему: кто совершил революцию и, согласно ответу, как можно было лучше послужить ей:

«Во Франции, — говорил Миравитлес, — революцию совершили “санкюлоты”⁵⁴; в Аргентине Перона — “дескамисадос”⁵⁵. Но кто же совершил её в Барселоне?⁵⁶»

Я поставил этот вопрос вечером 21 июля, в Мореходном училище, на первом собрании Центрального комитета милиций, в состав которого я входил как представитель «Левых республиканцев Каталонии», наряду с Жозефом Тараделасом, Артеми Айгуадером и Жоаном Понсом.

“Кто совершил революцию?” — спросил я. Ответ был важным, так как от него зависели политическая стратегия и тактика действий. Для деятелей “Левых республиканцев” представлялось важным сократить масштаб исторической панорамы до рамок реальных фактов. Несмотря на название Комитета, в состав которого мы входили, мы считали, что “фашистское” движение не имело места, и поэтому репрессия не могла затронуть слои населения, которые не участвовали в нём. Быть фашистом не означало принадлежать к Лиге и, более того, входить в ряды Федерации христианской молодёжи (Federación de Jóvenes Cristianos-FJC), известных как “фехосисты”, в силу фонетического ляпсуса.

На мой вопрос ответили пожиманием плеч в равной степени деятели ФАИ, ПОУМ и коммунисты. Они рассматривали происходящее как исторический шанс и не имели намерений упустить его.

Аурелио Фернандес, один из самых энергичных деятелей ФАИ, чётко отображая обстановку двух или трёх решающих дней, ответил: “Революцию совершили, как всегда, «паршивые»!”⁵⁷. Этот ответ Аурелио Фернандеса Миравитлес интерпретирует, применяя термин «люмпен-пролетариат». Тем не менее то, что сказал Аурелио Фернандес, и то, как это истолковали, имея в виду соответствие «политической стратегии и тактики действий», принятой Центральным комитетом, означало, что именно «эти паршивые», благодаря буржуазии и господствующим классам, являлись обездоленными, лишившимися своих сил людьми.

В то время как одни собравшиеся перекидывались словами, другие делегаты размышляли. Среди них от НКТ и ФАИ — Сантильян, Дуррути, Гарсия Оливер, Аурелио Фернандес, Ассенс и Рикардо Санс; со стороны «Левых республиканцев» — ранее отмеченные; от ВСТ и социалистов:⁵⁸ Дель Баррио, Коморера, Видьела, Мирет, Гарсия, Дуран Роселл; от Союза рабассейров — Торрентс; от партии Республиканского действия Каталонии — Фábрегас и от ПОУМ — Хосе Ровира.

Диего Абад де Сантильян, во время дискуссии занятый рисованием на листе бумаги, предложил: чтобы придать организму функциональную структуру, лучше всего будет начать с разделения видов деятельности. Он представил на обозрение схему, начерченную

на листе. Проанализировав рисунок и разделение функций, ЦКАМ стал работать согласно диаграмме⁵⁹ (стр. 47):

Генеральный административный секретариат: Хауме Миравитлес; организация милиций: Сантьян и Рикардо Санс; военный департамент: Гарсия Оливер, при поддержке Дуррути и военных техников — полковника Хименеса де ла Бераса и затем братьев Гуарнер; департамент расследования и обороны: Аурелио Фернандес, Хосе Ассенс, Рафаэль Видьела и Томас Фábрегас; департаменты поставок и транспорта были поручены Хосе Торрентсу.

Члены каждого департамента образовали отделы — например, статистики, который зависел от генерального секретариата; отделы размещения и вооружения боевых подразделений в подчинении Департамента милиций; и другие, такие как отдел картографии, военной школы, связи, операций и т.д., подотчётные Военному департаменту.

«Главная задача, — пишет Сантьян, — наиболее сложная, естественно, досталась нам — представителям самого значительного и активного сектора пролетариата Каталонии. Мы заняли особо ответственные посты, но они также требовали от нас огромной физической отдачи, угрожая скорым переутомлением. Более двадцати часов в сутки ежедневной и постоянной нагрузки, нервного напряжения, разрешая тысячи проблем, принимая толпы народа, осаждающего приёмные с самыми различными требованиями, — вся эта обстановка далеко не способствовала спокойному течению мыслей»⁶⁰.

Далее мы приводим первый документ, подписанный этим Центральным комитетом антифашистских милиций. Итак, речь идёт о «Мандате»:

«1. Устанавливается революционный порядок; все организации в составе данного Комитета несут ответственность за его поддержание.

2. Для функций контроля и надзора Комитет назначил необходимые бригады для строгого выполнения всех приказов, от него исходящих; для этого члены бригад будут иметь при себе соответствующий документ, подтверждающий личность.

3. Эти бригады являются единственными, уполномоченными Комитетом. Любые другие структуры, действующие за их рамками, будут считаться мятежными и подвергнутся санкциям со стороны Комитета.

4. Бригады, работающие в ночное время, применяют строжайшие меры к лицам, нарушающим революционный порядок.

5. С часу ночи и до пяти часов утра передвижение на улицах ограничивается, за исключением нижеуказанных лиц:

а) всех тех, кто подтвердит принадлежность к структурам, составляющим Комитет милиций;

б) людей, сопровождающих вышеуказанных лиц, которые могут поручиться за них;

в) лиц, способных доказать форс-мажорные обстоятельства, вынудившие их покинуть своё место жительства.

6. С целью мобилизации в ряды Антифашистских милиций структуры комитета уполномочены задействовать соответствующие центры для набора и военного обучения. Условия такого набора будут подробно указаны во Внутреннем регламенте.

7. Комитет выражает надежду, что, принимая во внимание необходимость установления революционного порядка, для оказания сопротивления очагам повстанцев ему не придётся прибегнуть к принудительным дисциплинарным мерам».

Этот документ подписали уполномоченные делегаты от имени «Левых республиканцев Каталонии», партии Каталонского республиканского действия, Союза рабассейров, марксистских партий (одна сталинистского характера, другая — более или менее троцкистского уклона); со стороны НКТ (Дуррути, Гарсия Оливер и Ассенс); ФАИ (Сантьян и Аурелио Фернандес)⁶¹.

По словам писателя Мануэля Бенавидеса, когда закончилось первое заседание Комитета милиций, «Дуррути и Гарсия Оливер сказали Коморере, делегату от соцпартии: “Мы знаем, как поступили большевики с русскими анархистами. Мы заверяем вас, что никогда не позволим коммунистам обращаться с нами подобным образом”»⁶². На первом заседании одной из резолюций было решение направить делегацию в Арагон для разведки позиций военных мятежников. С другой стороны, также договорились о принятии предупредительных мер для минирования подходов к Барселоне, чтобы воспрепятствовать возможному въезду в город моторизованной колонны противника.

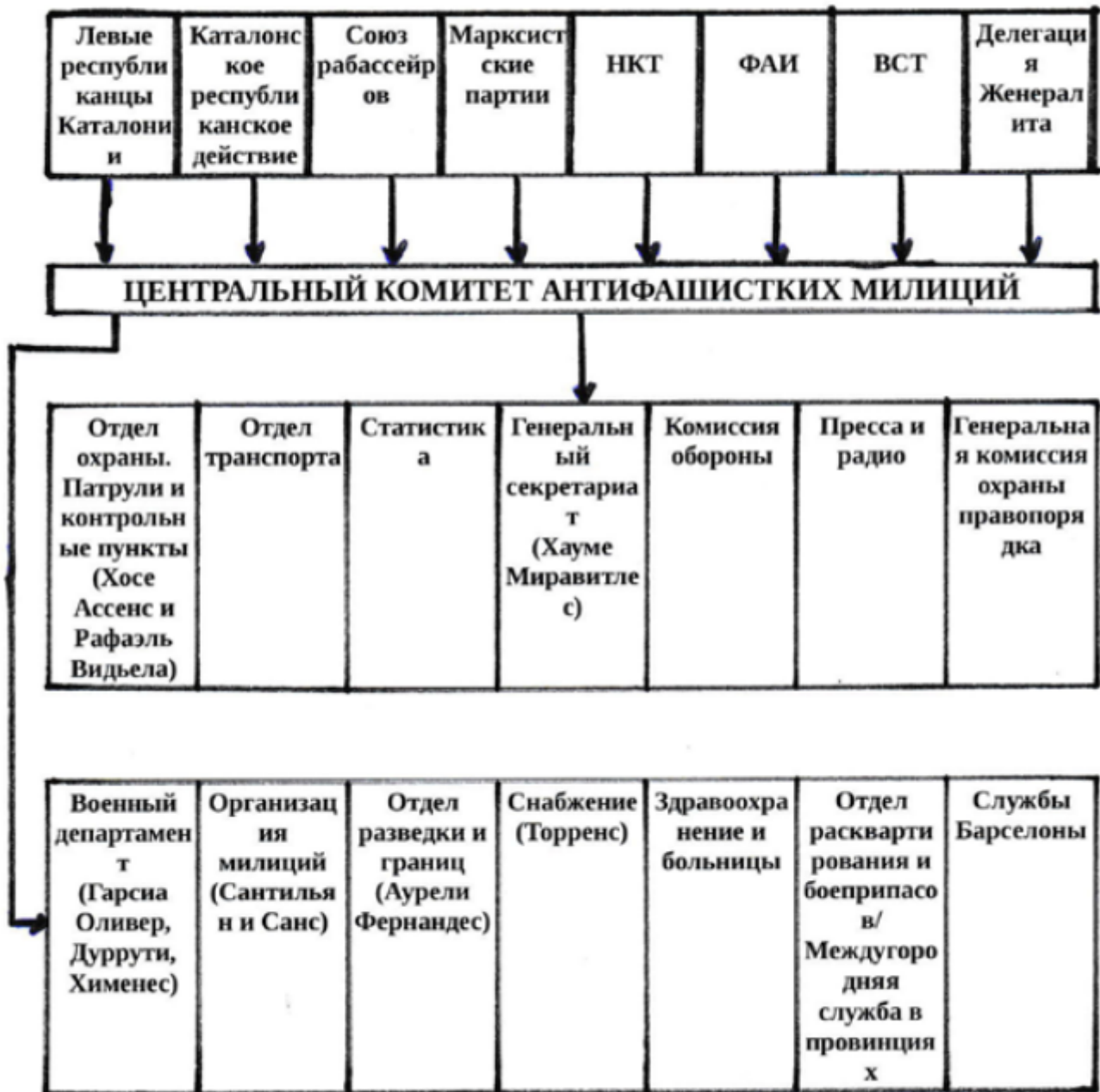
Также была предпринята попытка нормализации городской и производительной жизни Барселоны; но на самом деле в этой области невозможно было сделать ни одного шага без поддержки профсоюзов и Революционных комитетов рабочих кварталов. Когда Сантьян говорит о том, что главная задача была отведена им, то действительно это было так: лишь анархисты могли иметь дело с профсоюзами.

На этом заседании также была отмечена необходимость организовать рабочих в отряды милиций и выйти на поиски противника. Первая из таких колонн должна была отправиться 24 июля, под началом делегата — Буэнавентуры Дуррути⁶³. Участие Дуррути в Центральном комитете антифашистских милиций явилось больше символичным, чем реальным. Однако для нас представляется интересным привести здесь ряд цитат Миравитлеса, потому что они отражают некоторые черты характера Дуррути, которые не удалось изменить ввиду недавно начавшейся военной кампании:

«Во дворце правительства продолжал свою работу кабинет — нечто похожее на руководство-призрак, бессильно наблюдающее за революционной обстановкой. Однако имелось одно исключение. Президент Каталонии Луис Компанис был весьма мужественным человеком. Ранее Компанис как адвокат-защитник участвовал в судебных процессах над анархистами, и у него было много друзей в НКТ. Когда он впервые пришёл на заседание Комитета милиций, все мы встали, приветствуя его; но анархисты продолжали сидеть. Часто

между активистами НКТ-ФАИ и Компанисом разгорались яростные дискуссии; тот упрекал их в том, что своими агрессивными действиями они ставили под удар триумф революции. Но однажды это надоело Дуррути, и он сказал представителям автономного Правительства: “Поприветствуйте от моего имени Президента, но для него будет лучше больше не появляться здесь. У него могут быть неприятности, если он будет продолжать поучать нас”».

Центральный комитет антифашистских милиций

Дуррути тотчас же понял, что Центральный комитет был бюрократическим органом. На его заседаниях спорили, вели переговоры, принимали решения, писали протоколы заседаний, вели бюрократическую работу. Но для Дуррути сидеть долго на одном месте представлялось невозможным. Рядом шли бои. Он не выдержал такого ритма. Организовал собственную дивизию — колонну “Дуррути” — и ушёл с ней на Арагонский фронт»⁶⁴.

Вплоть до 21 июля казармы и военные крепости находились в руках тех, кто взял их штурмом, — иными словами, членов НКТ и ФАИ. Принятие репрезентативного принципа Центрального комитета антифашистских милиций было большой ошибкой; она заключалась в том, что каждая политическая партия организовывала свои собственные силы, то есть свои милиции под руководством делегатов — членов этих партий. Это означало: в распоряжение политических партий поступали воинские гарнизоны и оружие. Одобрив такую меру, НКТ сделала неверный шаг, так как ранее был основан Главный штаб милиций, и поэтому организация милиций, согласно профсоюзам, должна была зависеть от этого штаба. При таких обстоятельствах захваченное рабочими оружие осталось бы в их руках, то есть во власти революционеров. Согласие на организацию политическими партиями своих собственных колонн означало начало разоружения рабочего класса, что шло на руку тем, кто на самом деле не участвовал в боях; у них не было оружия, или они припрятавали его, как начали поступать сталинисты, с тем чтобы применить силу, когда, по их мнению, настанет удобный момент начать контрреволюционное наступление.

Такой раздел гарнизонов обеспечил «Левым республиканцам Каталонии» контроль над крепостью в Монтжуик; отдал ПОУМ Кавалерийскую казарму на улице Таррагона; а партии, которая станет ОСПК, — пехотную казарму в Парке-де-ла-Сьюдадела. Иберийской федеральной партии достался бывший монастырь. НКТ и ФАИ — пехотная казарма в Педральбес, Артиллерийский гарнизон Сант-Андреу и арсенал Лос Докс, также Кавалерийский на улице Лепанто. Артиллерийский парк (Парке-де-Артильерия) и Интендантская служба определились для общего пользования.

Сразу же после этого распределения и занятия казарм сталинисты окрестили ее именем «Карл Маркс»; ПОУМ дали своему имя «Ленин»; а анархисты, чтобы не отставать, назвали гарнизоны: «Бакунин», «Сальвочеа», «Спартак» и другие.

После раздела гарнизонов начался раздел зданий. ПОУМ уступил своим соперникам из ОСПК отель «Колон», завоёванный его активистами с оружием в руках. Для работы своего Центрального комитета они заняли гостиницу в Лас Рамблас, также занятую в период боёв. НКТ осталась в Каса Камбó. В рабочих кварталах Комитеты обороны или Революционные комитеты обосновались в подходящих зданиях для исполнения своих задач, и профсоюзы также заняли просторные помещения.

Таверны-закусочные, возникшие в пылу сражений, превратились в рабочие столовые и заняли помещения гостиниц. Таким образом отель «Ритц» преобразовался в гостиницу для «милисьянос».

Всеобщая забастовка продолжалась. Однако вскоре возникла необходимость восстановления наиболее важных услуг, и таким образом, явление «не замеченное 20 июля», сейчас проявилось полностью: рабочее самоуправление. Больницы, лаборатории и центры фармацевтической продукции, занятые в процессе уличных боёв, функционировали под рабочим контролем. Такая же форма организации появилась, как только наладили свою деятельность трамваи, автобусы, метро и железная дорога. На Центральной телефонной станции, которую контролировал рабочий комитет, полностью посвятивший себя устранению повреждений линий во время боёв, а также установке новых телефонных веток

в пределах центров, возникших в первые три дня, рабочие на заседании избрали Центральный комитет, который координировал свою работу с другими секциями посредством рабочих делегатов, избранных для этой цели. Профсоюз пищевой промышленности, который с самого начала борьбы основал центры распределения продуктов питания и рабочие столовые, тотчас же расширил свою деятельность для обеспечения питанием всего населения Барселоны; были коллективизированы Центральные рынки фруктов, овощей, рыбы и мяса. Поставщики, привозившие продукцию вплоть до 19 июля, продолжали снабжение рынков. В силу обстоятельств учёт продуктов производился не в рамках коммерции, а по принципу коллективизма. Этот режим аннулировал торговую цепь, и, следовательно, необходимо было прибегнуть к методам кооператива, которые, хотя и действовали в зачаточной форме, всё же немедленно гарантировали питание горожанам. Революция породила явление безвозмездности, легко прижившееся на практике в сфере питания благодаря рабочим столовым. Так, спонтанно, создавалось впечатление, что бесклассовое общество и упразднение денег стали реальностью. Быстрая организация Центрального комитета антифашистских милиций в той ситуации не позволила создать новые и более глубокие формы организации, призванные изменить человеческие отношения невиданным до тех пор образом. Тем не менее и в силу необратимости начатого процесса коллективизация средств производства и цепочек распределения продолжилась, несмотря на меры контроля и торможения со стороны новообразованных структур власти.

Именно после обеспечения победы над восставшими военными, когда возобновилась трудовая деятельность, можно было понастоящему оценить размах пролетарской революции. Хозяева фабрик, технический персонал и директора, принадлежавшие к классу, чувствовавшему себя под угрозой, дезертировали; одни скрылись в надёжных местах, другие сбежали во Францию. Рабочие не обеспокоились по этому поводу — напротив, они взялись за налаживание производства, проводя коллективизацию фабрик, мастерских и всех промышленных центров, существовавших в Барселоне и других областях Каталонии. Фабричные ассамблеи разрешали текущие вопросы, назначая для этого Фабричные комитеты. Наиболее важные металлургические центры, как, например, «Испано-Суиса», «Вулькано», «Ла Макиниста Террестре и Маритима», и др. принялись за блиндаж грузовиков, предпринимая первые шаги для восстановления отрасли, которая вскоре станет военной.

Склады CAMPSA (нефть и бензин), электростанции и фабрики по производству газа, занятые в первые дни, начиная с 22 июля, работали в рамках рабочего самоуправления. Агенты-распределители бензина заливали топливо в баки автомашин по предъявлению талона от профсоюза того Комитета, который использовал данный транспорт. Деньги исчезли из обращения.

В те дни в Барселону прибыл полковник артиллерии Рикардо Хименес де Бераса, которому удалось сбежать из Памплоны. Гарсия Оливер тотчас же задействовал его как советника в Военном департаменте и поинтересовался его мнением о новой организации, появившейся в результате революции. Его ответ был категоричен: «С военной точки зрения, всё это — хаос, но он идёт вперёд. Не предпринимайте ничего, чтобы помешать, дайте ему развиваться собственными силами, потому что в конце концов он придёт к равновесию и своей манере организации»⁶⁵.

Комитеты в рабочих кварталах, принимая различные названия, но все — либертарного характера, объединились по принципу федерации, образуя Местный комитет революционного взаимодействия.

В сущности, власти как таковой не существовало: Женералитат была полнейшим символом, Центральный комитет антифашистских милиций не мог сделать ничего без поддержки профсоюзов, а милиции не могли организоваться без сотрудничества Комитетов обороны и профсоюзов, которые осуществляли контроль над первичными рабочими организациями. 22 июля Комитеты рабочих кварталов открыли универмаг, служащие приступили к работе в режиме самоуправления и распределили одежду среди граждан на безвозмездной основе. Ломбард также был открыт, и людям вернули заложенные вещи. Так, можно было наблюдать возврат швейных машин, матрасов, одеял, курток и пальто, заложенных по окончании зимы. Луис Компанис назвал такие меры «насилием» НКТ.

23 июля Местная федерация профсоюзов НКТ Барселоны выпустила такую листовку:

“ «Рабочий, вступай в милиции. Не оставляй ни винтовку, ни боеприпасы. Не теряй связи с твоим профсоюзом. Твоя жизнь и твоя свобода — в твоих руках»бб.

Эта листовка была ответной мерой на решение Центрального комитета антифашистских милиций, направленного в Комитеты обороны кварталов, с инструкциями о выдаче каждому вооружённому рабочему этого участка картонного билета с именем, видом оружия и названием профсоюза, и что те рабочие, которые не имели намерения продолжать борьбу, должны отдать своё оружие Комитету, и тот, в свою очередь, передаст их в ближайшие гарнизоны. Профсоюзам эта мера показалась нацеленной на разоружение народа. За реакцией профсоюзов последовал ответ Комитетов рабочих кварталов, которые желали сами осуществлять революционный контроль в своей зоне при помощи вооружённых групп. Такие действия отвечали на публикацию «мандата» Центрального комитета антифашистских милиций. Посмотрим, что пишет об этом вопросе Висенте Гуарнер, заместивший на посту Генерального комиссара капитана Федерико Эскофета:

«Я попытался в последний раз прийти к согласию, чтобы по мере возможности восстановить порядок. Вызвал к себе в кабинет Региональный комитет НКТ, имевший в своём подчинении всю сеть организации Комитетов обороны в кварталах столицы. Мне кажется, его председателем были Алькон (Маркос) и Ассенс (Хосе), вместе с другими влиятельными НКТистами. Я выразил необходимость методично организовать и направить в должное русло сопротивление военному мятежу. Комитеты кварталов не должны были осуществлять аресты и обыски без вмешательства Полицейской комендатуры. Один из её инспекторов или агентов при каждом действии должен был составить протокол. Также нельзя было позволить индивидуальных репрессий, абсурдных убийств за рамками закона, поскольку существовало намерение организовать “народные трибуналы”, их регламентация уже была подготовлена. Мне ответили, что военный мятеж вызвал реакцию революционного характера и что народ должен был действовать самостоятельно. В свою очередь, я сказал, что моим долгом были исполнение законов и препятствование любому незаконному

действию. Кажется, Алькон спросил у меня, уверен ли я, что мои агенты безопасности поддерживали меня, и заставил меня выглянуть с балкона на улицу, чтобы я там увидел ряд гвардейцев с повязанными на шее чёрно-красными платками — символом НКТистской организации.

Я попрощался с активистами конфедерации, приказал моему секретарю дать инструкции об аресте тех гвардейцев, которые щеголяли в нерегламентированных одеяниях, и счёл своим долгом доложить об этом разговоре президенту Компанису, который принял мою отставку. Он вызвал своего секретаря (в то время — Хуана Молеса) и попросил его подготовить назначение на пост военного советника в Центральном комитете антифашистских милиций Каталонии»⁶⁷.

В круговороте событий члены группы «Мы» были разбросаны по разным местам. Каждый из них исполнял важную задачу: Аурелио Фернандес вместе с Ассенсом занялись организацией «Контрольных патрулей», основанных рабочими активистами, посланными профсоюзами; они исполняли двойную миссию наблюдения за революционным порядком, согласно инструкциям Центрального комитета антифашистских милиций, но не теряя контакта с профсоюзами и Комитетами кварталов с целью осуществления совместных действий в том случае, если «сверху» поступят приказы подавить революцию. Рикардо Санс с Сантильяном и Эдо взялись за организацию рабочих колонн и отправление их на Арагон. Гарсия Оливер, возглавивший Военный департамент, налаживал военное производство, а также военное и авиационное училища. Виванкос, Ортис и Грегорио Ховер посвятили себя организации соответствующих колонн для Арагонского фронта.

Несмотря на всеобщую занятость, группа «Мы» смогла собраться, с тем чтобы обменяться мнениями о ходе событий. Их идеи полностью совпадали, они высказались за преодоление альянса, установленного между организациями НКТ и политическими партиями для создания подлинного революционного органа, который бы прямо опирался на Революционные комитеты Барселоны и Каталонии, а также на профсоюзы. В результате нужно было основать Региональную ассамблею, которая явилась бы структурой революционного управления.

Однако революция (или, другими словами, её победа) не исходила всего лишь из таких мер. И это знали все члены группы «Мы». Без поддержки и солидарности международного пролетариата испанская революция не могла выжить, несмотря на все усилия испанских революционеров. В этом заключался самый трагический аспект испанского анархизма. В Испании анархизм постепенно занял стабильные позиции, и ему удалось стать мощной и определяющей силой в стране. Но в остальных странах анархизм ослабевал, вплоть до потери воздействия на рабочий класс, попавший под влияние социал-демократов и сталинистов. Теперь шла речь о том, что можно было предпринять для пробуждения сознания международного пролетариата, принимая во внимание, что в Испании имела место первая и наиболее глубокая революция из всех тех, где главным героем выступал рабочий класс. Задача была не из лёгких: существовал Советский Союз, строивший победу своей внешней политики на подчинении пролетариата буржуазным демократиям, с которыми СССР установил альянс. Также не представлялось лёгким взаимодействие с Леоном Блюмом, который, подчиняясь правилам буржуазной демократии, не стоял у власти, а всего лишь управлял ею. Испанская революция с её зарядом анархизма являлась помехой для всех

стран. Не приходилось рассчитывать на чью-либо поддержку. Испанские революционеры должны были создать ситуации, которые, нарушая все правила, смогли бы вывести революцию на международный уровень. Именно об этом говорили товарищи группы «Мы». Они располагали взрывным устройством для своей цели — Марокко. В этом регионе Франко установил свой главный штаб и резервы. И в Марокко демократическая Франция, придерживающаяся политики Народного фронта, вела войну против арабских националистов. Если бы испанским революционерам удалось осуществить восстание в так называемом Испанском протекторате в Северной Африке, это означало бы расширить мятеж на всю часть французской колонии и заставить Францию вступить в конфликт в её роли колонизатора, что могло бы привести к пробуждению французского пролетариата, усыпленного Блюмом и Торезом. Гарсии Оливеру была поручена миссия организации восстания в Марокко.

Версия #3

Зверобой создал 19 июля 2025 00:53:30

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:30:06